

*Посвящается Ариэль,
без которой эта книга
не вышла бы в свет*

Оглавление

<i>Глава 1. 14:31 в Париж.</i>	7
<i>Глава 2. Мир тесен</i>	23
<i>Глава 3. От Хутунов до Ханоя</i>	52
<i>Глава 4. Железная дорога смерти.</i>	69
<i>Глава 5. Атомные бомбы и поезда-пули</i>	95
<i>Глава 6. Мест нет</i>	128
<i>Глава 7. Да здравствует великий Вождь Юго-Запада.</i>	154
<i>Глава 8. Семейство Кимов</i>	190
<i>Глава 9. Ночной поезд в Пекин.</i>	231
<i>Глава 10. Города-призраки и Великая Китайская стена.</i>	244
<i>Глава 11. Вива Ла Лхаса-Вегас!</i>	273
<i>Глава 12. Великий шелковый путь</i>	294
<i>Глава 13. Азамат и Маржан</i>	318
<i>Глава 14. Путь домой</i>	332
<i>Глава 15. Восточный экспресс Венеция – Симплон.</i>	337
Благодарность.	348
Немного об авторе.	350

14:31 в Париж

Стоя у окна, я смотрела на стальной каркас стеклянной крыши Сент-Панкрас, сквозь которую проглядывали участки голубого неба. В какой-то момент и оно, и крыша начали двигаться, и я поняла, что это тронулся мой поезд. Eurostar 14.31 по маршруту Лондон – Париж, набирая обороты, покидал вокзал, купе наполнил теплый весенний солнечный свет, и я устроилась поудобнее в своем кресле. Удаляясь от Лондона, я старалась напитаться городом, вдохнуть его и удержать внутри, ведь увидеть вновь его предстояло только через семь месяцев. Впереди меня ожидало долгое путешествие вокруг света. Ровно пять лет назад я сошла с Charninag Express в Ченнае, восьмидесятого по счету поезда, тем самым окончив свое путешествие по Индии. Проездной на три месяца, устаревшая карта и безнадежная наивность – вот и все, что я взяла тогда с собой. Всего я преодолела 40 тысяч километров – расстояние, равное окружности земного шара, – и объехала почти всю страну. В перерывах между пересадками с одного поезда на другой я прочувствовала на себе, почему железнодорожную сеть Индии называют ее «жизненно важной артерией».

Чудом избежав огромного количества передряг и неурядиц, я зареклась даже думать о подобных приключениях в будущем. Тогда я еще не знала, что очарование железной дорогой украдкой поселилось в моем сердце, жажда путешествий бурлила в моей крови, а тело впитало ритмичный стук колес и хотело испытать эти ощущения вновь. Довольно скоро симптомы железнодорожной лихорадки дали о себе знать: я любила стоять на мостах, под которыми с грохотом проносились

товарняки. В теплые деньки я покупала билеты на поезда туда-обратно, чтобы только провести время за чтением у окна, а по ночам вслушивалась, чтобы разобрать тот самый звук, издаваемый вдали паровозными гудками. Сначала я испытывала неутолимую тоску, но с течением времени это уже стало напоминать болезнь. И излечиться от нее в Лондоне мне не удавалось. Мне срочно нужно было отправиться в дальнее путешествие по железной дороге, но возможности собрать вещи и запрыгнуть в поезд у меня не было. После возвращения из Индии я легко вернулась к ритму лондонской жизни и устроилась редактором в журнал *Week*, и, вне всяких сомнений, это была работа мечты — я неспешным шагом добиралась до нее к 10 утра, целый день читала газеты и распивала чай, а Коко, такса, жившая в нашем офисе, спала у меня на коленях. В сущности, я получала зарплату за то, чем люди обычно (и совершенно бесплатно) занимаются в ленивые воскресные дни. А еще теперь мне нужно было учитывать мнение еще одного человека, моего жениха Джереми, который сделал мне предложение несколькими месяцами ранее прямо рядом с мусорным контейнером у станции метро *St John's Wood*. В процессе его практически снесла с ног группа японских туристов в дождевиках и резиновых сапогах, но это не помешало ему попросить меня выйти за него под проливным дождем в том самом месте, где началось наше первое свидание.

Я гнала от себя мысли о поездке и плыла по течению ежедневной рутины, подавляя подобные желания каждый раз, когда они возникали, пока в один прекрасный день не сдалась: слишком много еще нужно было узнать о железных дорогах, а поезда, хотя и терпеливо ждали меня, могли в любой момент умчаться вдаль, и тогда мой шанс был бы утерян. Сфера железнодорожных путешествий развивается стремительно: все больше появляется высокоскоростных поездов, старомодные медленные составы постепенно уходят в прошлое. Становится все меньше ночных маршрутов, классические направления теряют былую популярность. Если верить экономистам и пессимистам, романтику железных дорог вот-вот должен был постигнуть неотвратимый конец, но я отказывалась в это верить. Конечно, с железными дорогами Индии не могли сравниться никакие другие, но я знала, что в каждой стране они обладают собственным шар-

мом, стоит только копнуть глубже. Поезда таят в себе кладези интересной информации, главное — найти подход к их пассажирам, чтобы они поведали свои истории.

Выпив последнюю чашку чая, я потрепала Коко по голове и распрощалась с Week. Джереми, или Джем, как его называли друзья, согласился присоединиться ко мне на месяц во время путешествия, и я приступила к его тщательному планированию. На стене в гостиной я повесила карту мира, воткнула в пункты назначения булавки и соединила их между собой разноцветными нитками, чтобы наглядно увидеть, какой путь мне предстоит преодолеть в ближайшие семь месяцев. Я сидела на полу, окруженная стопками путеводителей и карт, сосредоточенно изучая маршруты, отмечая важные события в разных странах в попытке довести свой план до совершенства. Одно из главных заблуждений путешественников — вера в то, что они все держат под контролем, и это только верхушка айсберга иллюзий; в итоге это приводит к большим разочарованиям. Поэтому я закладывала время на отмены рейсов, опоздания — как поездов, так и свои. Когда я путешествовала по Индии, план был — «никаких планов», и в пределах одной страны он вполне удался; в кругосветке, со всеми ее странами, городами и транзитами, этот подход точно не оказался бы столь же плодотворным. По мере приближения даты отбытия Джем становился все более молчаливым, пока в одно прекрасное утро он не сел рядом со мной и не спросил:

— Ты точно справишься с этим семимесячным путешествием в одиночку?

— Да, — неожиданно робко ответила я.

— Ты уверена? — Он вглядывался в карту. — Ты ведь собираешься в такие опасные места, как Иран и Узбекистан?

— Со мной все будет в порядке.

На самом-то деле в этом я не была на 100 % уверена. В Индии мне довелось пережить многое — меня лапали в поездах, зажимали в углу на вокзале, гнались за мной на платформах, пристально оглядывали, ухмылялись, орали, плевались, покрывали нецензурной бранью. Не счесть количество ночей, что я провела в отелях, забаррикадировав сумками и чемоданами дверь в номер. Кроме того, мне не хотелось оставлять Джема одного. Как жаль будет отправиться в Европу, Россию, Монголию, Китай, Вьетнам, Таиланд, Малайзию, Сингапур, Японию, Канаду и Аме-

рику — и не иметь рядом попутчика, с которым можно разделить воспоминания о поездке.

Уже сидя в пассажирском кресле, я смотрела на человека рядом с собой и понимала, что мы сделали правильный выбор. Джем уволился, купил свой первый походный рюкзак и решился сопровождать меня на протяжении всего путешествия. Меня несколько смутило, что все, что он собрался взять в дорогу, — это новые мокасины и пара джемперов. Я предложила оставить дома его часы Tag Heuer, вручила вместо них Swatch, после чего мы направились в универмаг Blacks за водонепроницаемой одеждой и носками. Джем вырос в глубинке — деревеньке Кобэм, графство Суррей, и для него в диковинку были любые сумки не на колесиках, поэтому я знала, что и путешествие в итоге окажется крайне любопытным. В то утро я в последний момент рванула в Stanfords в Ковент-Гарден за новым блокнотом в дорогу. Уже в поезде я раскрыла его, ощутив при этом новизну кожи, чтобы задокументировать старт поездки в нашем первом по счету поезде. Выглянув в окно, я увидела, что поезд приближается к Евротоннелю, и глубоко вздохнула; мы въехали в тоннель, и Англия скрылась из вида.

Как выяснилось, долгосрочные проездные билеты Eurail оказались идеальны для людей, которые любят планировать и кому чужда спонтанность, для тех, кто любит знать заранее, где и во сколько будет ужинать, на 90 дней наперед. Я не принадлежу к этой категории и потому вскоре обнаружила, что проездной на месяц — не самый лучший вариант. Конечно, для определенных загодя маршрутов он неплохо подходил и окупался за 5–6 поездок. Но для людей вроде нас, кто собирался, проснувшись в Париже, ехать на ланч в Барселону, выгодным его назвать было нельзя. За каждое бронирование пришлось также платить дополнительный, административный или еще какой-то сбор, не говоря уже о плате за отмены, и в итоге я провела всю первую неделю в Европе, стоя в очередях для возврата денег.

Пока я заполняла формы и перемещалась от одной стойки к другой, Джем не терял времени зря: составил список достопримечательностей и городов, которые он хотел бы посетить, и вручил его мне за ланчем в кафе в квартале Марэ.

— Дом Гауди... Валенсия... Лурд? Серьезно? — удивленно заинтересовалась я, в то время как официант сервировал стол бу-

мажными подложками, графином с водой и корзинкой со свежеспеченным нарезанным багетом.

— Да, — ответил Джем, с трудом пытаясь намазать твердый кусок масла на хлеб.

— Но ты же даже не верующий.

— Знаю, просто мне любопытно. Вот так в детстве слышишь о каких-то местах и представляешь их по-своему, а потом всю жизнь хочешь узнать, как же на самом деле выглядит Лурд.

Во время еды и легкой беседы я оглядывала кафе с возрастающим восхищением — насколько же французы чтят приемы пищи и следуют традициям. За бокалами вина, разливаемого из кувшинов, они разламывали хлеб, макали его в соус, лакомились крем-брюле, отпивая темный ароматный кофе, — словом, неспешно проводили обеденное время так, будто это субботний день, а не середина рабочей недели. Ощущение было такое, словно никому из присутствующих не надо возвращаться на работу, почти все могли похвастаться идеальным маникюром и ровным загаром, женщины выглядели безупречно, многие посетители были с ухоженными собаками. Наслаждаясь хрустящим утиным конфи, я подумала, что действительно можно заехать в Лурд и приобщиться к религии.

После ланча мы сели на поезд до Лиможа, откуда мы планировали держать путь в Клермон-Ферран, а затем в Безье — там была одна из самых длинных однопутных железных дорог, проходящих по территории Франции, известная своими видами на горный Центральный массив. Ожидая пересадку в Лиможе, мы выпили колы, прогулялись по практически пустому и прохладному вокзалу, тишину которого нарушало лишь поскрипывание подошв нашей обуви, и с восхищением осмотрели его куполообразную крышу, украшенную скульптурами полунагих кариатид. Увитые виноградными лозами, дубовыми листьями и желудями, в венках на головах, они аллегорически представляли провинции Лимузен, Бретань, Гасконь и Турень, которые обслуживает этот вокзал. Гирлянды дубовых листьев змеятся к куполу, увенчанному круглым витражом. Вокзал показался нам настоящей архитектурной жемчужиной, невероятной для обычного провинциального города. Мы решили выйти за его пределы, чтобы полюбоваться им снаружи и получше разглядеть крышу. Местечко нашлось у фонтана рядом с дорогой, оттуда открывал-

ся прекрасный вид на здание в стиле ар-деко и часовую башню. Впоследствии мы увидели много вокзалов, но с уверенностью можно сказать, что Бенедиктинский вокзал в Лиможе, наша случайная интуитивная находка, — один из самых красивых.

Французские поезда TGV — Trains à Grande Vitesse¹ — совершили революцию в железнодорожных поездках по Европе, изменив привычные реалии и для регулярно путешествующих пассажиров, и для бездельников вроде нас, чье единственное желание — поглазеть на виды из окна — теперь было почти неисполнимым, ведь высокая скорость движения почти не позволяла что-то разглядеть. На медленных поездах из Лиможа в Клермон-Феран и из Клермон-Ферана в Безье пассажиров было довольно мало, большинство из них жаловались на жару, засыпали, размоленные ею, и покидали вагоны уже через пару часов, оставляя нас практически в одиночестве.

— Только подумай, сколько они упускают, — сказал Джем, когда мы проезжали ущелье, где внизу, в реке, дети катались на надувных лодках и прыгивали с известняковых валунов в воду. Когда мы проезжали мост, они прекратили свои веселые игры и стали размахивать веслами, приветствуя нас. В течение следующих трех часов мы ползли по чаще дремучих лесов, где встречались журчащие и переливающиеся серебром ручьи. Окна были открыты, и вагон стал наполняться ароматом свежей сосны по мере движения на юг, к Безье. Телефон Джима тренькнул, и он взглянул на экран.

— Прямо сейчас у меня должно было быть еженедельное вещание, — произнес он и откинулся обратно на сиденье, закрыв глаза и чуть улыбнувшись.

Из Безье, с пересадкой в Тулузе, мы добрались до Лурда как раз к вечернему крестному ходу. Пройдя вниз по холму, мы влились в море паломников, направлявшихся в грот Масабель. Я ожидала попасть в тихий городок, в котором из жителей — только несколько монашек, а оказалась в шумной толпе, напоминающей те, что обычно с гвалтом покидают футбольные матчи. Битком набитый пиццериями, кебабными и барами с неоновой подсветкой, Лурд можно назвать городом-курортом, чтящим

¹ Trains à Grande Vitesse — «скоростные поезда» (*фр.*).

христианские традиции. Сувенирные магазины с названиями вроде «Господня благодать» и «Секрет Марии» выстроились вдоль тротуаров, стараясь перещеголять друг друга разнообразием товаров: кружки, вееры, зажигалки в виде Иисуса Христа и другие безделушки. Джем бродил по ним в полном недоумении и тут указал мне на возвышающуюся над нами светящуюся статую Девы Марии.

— Представь, каково это — наткнуться на нее в крошечной темноте среди ночи.

— Не желаешь ли, чтобы твой автомобиль благоухал как Папа Римский? — в ответ поинтересовалась я, наткнувшись на целую коллекцию автомобильных освежителей воздуха, которые, судя по надписям, предлагали ароматы разных святых.

— И как пахнет Жанна Д'Арк? Углем?

Каждый из этих религиозных супермаркетов был до отказа забит почтовыми открытками, четками, снежными шарами, картинами, ладаном и бутылочками со святой водой — при этом цены все увеличивались по мере приближения к гроту.

В толпе крестного хода были дети в инвалидных колясках, которых везли родители. Это зрелище ввело меня в легкое уныние. Когда-то я считала себя индуисткой, но для того, чтобы считать себя верующей, мне не приходилось прикладывать много усилий — просто есть *бурфи*² и *бирьяни*³ на религиозных фестивалях. Мне нравилось жить с мыслью, что существует нечто внеземное, контролирующее все сущее на земле. Иногда я произносила молитвы: перед сном, в часовне или на одной из скамеек в заднем ряду приходской церкви Дауншир Хилл святого Джона в Хэмпстеде в будний день. И все же после моего путешествия по Индии в компании неистового атеиста я начала сомневаться в существовании высшей силы и необходимости присутствия религии в моей жизни как таковой. Я обращала внимание на то, как представители духовенства эксплуатируют бедных и уязвимых, священники забирают у людей последнее, а слепая вера доводит до полного разочарования. К концу путешествия я пришла к выводу, что существование бога противоречит вся-

² Бурфи — десерт из уваренного сгущенного молока в индийской кухне.

³ Бирьяни — традиционное блюдо индийской кухни на основе риса с добавлением овощей, мяса или рыбы и различных специй.

кой логике и не имеет разумного обоснования и что я больше не испытываю необходимости в религии. Впервые в жизни я почувствовала себя свободной, а уровень осознанности повысился в разы — больше я не молилась и не верила в бога. И теперь, наблюдая за больными среди паломников, несущими дорогие свечи и канистры для того, чтобы наполнить их святой водой, я поняла, что не зря сделала свой выбор. Даже осознание того, что сам процесс оказывает благостный эффект на людей, не шло ни в какое сравнение с тем фактом, что кто-то на этом так или иначе наживается — и это я принять никак не могла. Тем не менее буквально в последнюю минуту я купила маленькую бутылочку с золотой крышечкой в виде цветка, чтобы набрать воды и сохранить ее в качестве сувенира.

Прибыв к воротам санктуария, мы с Джемом отошли в сторону, уступив дорогу людям на каталках, которых везли из хосписа неподалеку, закутанных в пледы, чтобы они не замерзли в прохладный вечер. Небо потемнело, и только над Базиликой Пресвятой Девы Марии, возвышавшейся над тысячами паломников, читающих молитвы, со свечами в руках, еще сохранялось насыщенное предзакатное фиолетовое зарево. Мы улучили момент и присоединились к очереди в Грот, на пути нам встретился человек, наполнявший чемодан пластиковыми бочонками со святой водой. Молча мы прошли сквозь пещеру, тишину в которой нарушали только звуки воды, эхом разносившиеся вокруг. По каменной стене струились ручейки, стекая к ногам статуи Богородицы. Паломники позади нас в нетерпении тянули руки над моей головой, чтобы прикоснуться к холодной поверхности, а затем касались своих шей, их губы беззвучно шевелились в молитве. На пути наружу я остановилась, чтобы наполнить припасенную бутылочку водой, туго завернула крышечку и положила ее в карман. Тут я заметила, что Джем рассеянно бродит среди каменных сводов.

— Я бы хотел поставить свечку за своего отца, — сказал он. Мы выбрали длинную и тонкую золотую свечу и поставили ее вместе, наблюдая за тем, как ее пламя колышется на ветру, а затем отправились наружу, где оказались на оживленной улице, куда переместились все участники крестного хода, и продолжили свой путь. Несмотря на обуревавшие меня противоречивые чувства, я поразилась спокойствию, которое снизошло на нас после того, как мы покинули Грот.

Как-то раз, в воскресенье, 15-летний Джем натирал до блеска отцовскую обувь для церкви — это был еженедельный ритуал, — как вдруг заметил, что того резко бросило в пот. Это был холодный январский день, поэтому Джем сразу понял, что происходит что-то не то. Уже через несколько минут его отец повалился набок, на подлокотник дивана, прижимая руки к груди, и вскоре в изнеможении сполз на пол. Это был инфаркт. Джем беспомощно наблюдал за тем, как на его глазах умирает отец, которому было всего 44 года. Потеря родителя в столь раннем возрасте, когда только начинается происхождение становление человека, коренным образом изменило его отношение к жизни. Предположения, что смерть отца — это божья воля, его оскорбляли, и он отвергал любые попытки привязать религиозную аргументацию к этому ужасному событию. Вместо этого он пообещал себе, что будет проживать каждый день своей жизни на полную катушку, не позволяя деньгам и карьере мешать времяпровождению с близкими и друзьями.

Следующие две недели прошли словно в тумане, мы сменяли один высокоскоростной поезд на другой. Покинув Лурд, мы направились в Тулузу, а оттуда в Барселону, затем рванули в Мадрид, заехали в Валенсию, после чего по побережью вернулись в Барселону. Пересекли юг Франции и Монако и, чтобы отдохнуть, приехали в Италию. Проездной позволял нам посетить 28 стран — практически по одной стране на каждый день, что мы находились в Европе, — но посвятить большее количество времени какой-то одной из стран было непозволительной роскошью. Мы сузили список до старых добрых проверенных мест и предпочли заезжать в те города, которые в первую очередь могли предложить отличную кухню и неплохое вино, а еще лучше — прекрасные пляжи. А вот сами поезда стали разочарованием. Никто не разговаривал друг с другом, все просто спали, и одна поездка ничем не отличалась от другой. Заметно пунктуальные и удобные европейские поезда служат только одной цели — довезти пассажиров из пункта А в пункт Б и не предлагают ничего интересного и примечательного в дороге. Таким образом, вместо длинных романтических переездов мы получили короткие и довольно скучные доставки себя и багажа из города в город. Пока что приключения, на которые мы рассчитывали, так и не начинались.